

КЛЮЧЕВЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В ИДИОЛЕКТЕ А. АХМАТОВОЙ

Еще В.В. Виноградов заметил привязанность поэтического сознания А. Ахматовой к узкому кругу слов, которые, переходя из одного текста в другой, становятся «центрами семантических сфер» [2, с.260]. Исследователь блестяще анализирует три слова-символа ранней ахматовской поэзии: *песня, молитва и любовь*. Мы, в свою очередь, можем выделить два ключевых прилагательных в каждом периоде творчества: I (1904 – 1935) – *белый, тихий*; II (1936 – 1966) – *страшный, кровавый*.

В первых пяти ахматовских сборниках лексема *белый* встречается чаще других цветообозначений, а также содержится в названии одного из них («Белая стая»), дважды отражено в названиях стихотворений: «Белой ночью», «Белый дом». *Белый* в номинативном значении выполняет эмоционально-психологическую роль, связывая ассоциативно приметы внешнего мира с душевным состоянием персонажей: *Как нестерпимо бела / Штора на белом окне* [1, I, 24] – наречие меры и степени, повтор лексем *белый* в полной и краткой формах нужны для указания на обостренность восприятия лирической героини, для которой муки ожидания встречи невыносимы. С рассветом рождается новый день, нарастает тревога, от бессонной ночи свет режет глаза. Ожидания не напрасны, так как Он не изменился внешне (*волосы льняные*), его чувства те же (*тот же взгляд*). *Сквозь стекло лучи дневные / Известь белых стен пестрят...* [1, I, 25] – признаки близны и света преобладают в перспективе текста благодаря семантической согласованности словоформ *льняные, лучи, дневные, известь, белых, лилий*. Происходит также реализация символического смысла: *белый* – символ целомудренности, воплощение мечты о чистой и светлой любви. Сияющие, светлые тона порождают позитивные ощущения, мажорное настроение всего текста. За счет контаминации прямых ('цвета снега', 'светлый') и символических значений ('чистый', 'невинный') возникает обобщенно-эстетический смысл: 'ощущение радости от встречи с возлюбленным'. С белым цветом связано в ахматовском тексте появление Музы: *Вот тебе: и молитва дневная, / И бессонницы млеющий жар, / И стихов моих белая стая, / И очей моих синий пожар* [1, I, 243]. ...*А чтобы она не запела о прежнем, / Он белую птицу мою убил* [1, I, 209] – 'свободную, вольную'. Образы стаи сти-

хов и белой птицы связаны с мотивом полета, творческого вдохновения. Лексема *белый* может включаться и в символику смерти: *Иль того ты видишь у своих колен, / Кто для белой смерти твой покинул плен?* [1, I, 124]. ...*А здесь уже белая дома крестами метит / И кличет воронов, и вороны летят* [1, I, 330] – субстантивируясь, признак абсолютизируется. На уровне подтекста выясняется: где белое, там всегда и черное (*вороны*). А. Ахматова снимает языковое напряжение между антонимичными понятиями, объединяя контрастные признаки. Множество контекстов, связанных с религиозной тематикой [1, I, 177, 303, 352], подтверждает факт, что *белый* развивает смыслы, связанные со смертью, которой придается индивидуально-авторская положительная оценка: ‘светлая, легкая, безболезненная’. Долгожданная *белая смерть* уводит из мира плоти и греха в *белый рай*, царство гармонии и чистоты, где можно найти успокоение от страстей. Лексема *тихий* появляется в контекстах, связанных с характеристикой лирических персонажей [1, I, 86, 194, 218], причем при обрисовке образа героя подчеркивается, что тот ‘кроткий, смиренный, спокойный, безвольный’, а для образа героини важнее семантический признак ‘безмолвная’. Употребляется прилагательное и для обозначения соперницы: *Будешь жить, не зная лиха, / Править и судить, / Со своей подружкой тихой / Сыновей растить* [1, I, 252] – актуализируется смысл: ‘безропотная, послушная, уступчивая’. *Тишайший снег* [1, I, 367] – ‘бесшумный’ – принесет *заплаканной осени забвенья боли*. Элативная форма прилагательного и контекст позволяют рассматривать атрибутивное сочетание со смыслом: ‘легкая и желанная смерть’.

Атмосфера тотального страха и зловещей недоговоренности, царящая в стране в 1930-е годы, принесшая много страданий Великая Отечественная война оставляют след в поэтическом сознании и приводят к выдвиганию на позицию ключевых других слов: *И страшные дети, которых не будет, / Которым не будет двадцать лет...* [1, II, 1, 49]; *А теперь пора такая, / Страшный год и страшный город* [1, I, 236] – используя прием лексического повтора прилагательных при разных существительных А. Ахматова «сгущает краски» для реализации суггестивной функции: всё (и время, и пространство) вызывает чувство страха. На пороге смерти лирическую героиню с развитым чувством патриотизма больше всего тревожит ...*страшная минута / Прощания с моей родной страной* [1, II, 1, 28]. Она гордится тем, что всегда была вместе со своим народом («Так не зря мы вместе бедовали...»): *Вмес-*

те с ними я в ногах валялась / У кровавой куклы палача [1, II, 2, 109]. В стихотворении-загадке: *...что с кровью рифмуется, / Кровь отравляет / И самой кровавою в мире бывает* [1, II, 2, 96] – прилагательное, употребленное в форме превосходной степени сравнения, наполняясь отрицательными коннотациями, реализует значение: ‘сопровождаемый пролитием крови, множеством жертв’ [БАС, V, 1674]. Благодаря троекратному повтору корня значимые слова выделяются, и даже не искусственный в поиске рифм читатель догадывается о подходящем ответе.

Литература:

1. Ахматова А. Собрание сочинений: В 6 т. – Т. 1–2. – М.: Эллис Лак, 1998–2002.
2. Виноградов В.В. О символике А. Ахматовой // А.А. Ахматова: pro et contra: Антология. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. – С. 260–329.